

Анатолий Агарков

***Убийство Стюры
Гашиной***

Электронная версия

Убийство Стюры Гашиной

Человеческая природа до такой степени богата, сильна и эластична, что она может сохранять свою свежесть и свою красоту посреди самого гнетущего безобразия окружающей обстановки.

(Д. Писарев)

1

Я тогда работал в редакции районной газеты, был холост и любил потолкаться в толпе. Ходил в общественную баню, где после пара человек особенно словоохотлив. Пил пиво, чтобы поговорить с людьми. И разговоры эти были о вещах простых, понятных, нужных. И как-то легче становилось голове, словно банно-пивные церемонии напрочь её опустошали.

В бане все споры о политике. В пивбаре круг интересов шире, темы всплывают самые разнообразные. Например, о любви. Нет, о любви здесь говорили даже чаще всего, и причиной тому была его прелестная барменша.

Представьте женщину лет тридцати с небольшим. Простое русское лицо, свежий лоб с завитками на висках, большие синие, широко расставленные глаза, в самой глубине их притихла тоска - такая тоска, на которую не хватило бы никакой воли. Спина прямая, талия узкая, волосы уложены короной и шикарная грудь. Чуть ощутимый запах духов в тяжёлом, прокуренном воздухе. Её нельзя было назвать ослепительной красавицей, скорее милой, что, на мой взгляд, лучше красоты.

Ещё недавно, до либерализации торговли, я мог видеть только её руки - она отпускала пиво на вынос через окошечко в стене. Теперь открыли бар, и мытые кружки стояли рядами на подносе. Куда народ подевался? Не стало ни очередей, ни давки у окошечка. Один-два-три посетителя сосут лениво пиво, стоя у высоких столиков, да скучает Таня – назовём её Таней – за прилавком. Грустит, поглядывая на посетителей. Грустит впрок, как грустит

осенью русский человек.

Впрочем, иногда, чаще в непогоду, бар бывает полным.

В тот день на белый свет обрушилась стихия. Теперь эти циклоны, казалось, вызывает сама метеослужба, научившаяся вычислять их с поразительной точностью. Холодный, почти горизонтальный, дождь хлестал по ещё не остывшим от августовского зноя крышам. Среди капель нет-нет, да и шмыгнёт белёсым следом крупа – то ли отзвук прошедших градов, то ли предвестник будущих снегопадов.

Я хлопнул входной дверью и закутился волчком, отряхивая куртку. Барменша, кричавшая на подвыпившего мужика, который допытывался, почему в пивбаре не продают водки, и нет ли её у Тани под полой, сразу замолчала и повернулась к новому посетителю. Я попытался прожжёно улыбнуться, подмигнув:

- Кружечку неразбавленного....

Темнолицый мужик за столиком, куда я примостился, ещё более потемнел, уставился на мою кружку и неожиданно замурлыкал песню, словно вокруг никого не было. Песня была старая, блатная, с таким, примерно, припевом:

- ... мой приятель, мой приятель – финский нож.

Я не новичок в пивных барах, всяких ханыг насмотрелся. Ничуть не смутившись, отхлебнул и пропел:

- Что-то я тебя, корова, толком не пойму....

Подмигнул Тане. Она засмеялась. Подошла ближе, навалилась на витринку так, что её прекрасные, живые груди, безуспешно скрываемые красной кофточкой, легли на стекло, белея нежной кожей до умопомрачительной глубины. Я тоже улыбнулся ей навстречу, потому что люблю хорошеньких женщин и разговоры на вольные темы.

- Что, Танюша, замуж не вышла? – поинтересовался весело.

- Кто возьмёт?

- Да тут у тебя женихов – сколько хочешь. Только стоят плохо, за столики держатся, а отпустятся – тут же и падают. Выбирай и подбирай!

- Прямо-то. Кому они нужны? Много ли толку от нынешних мужиков – пожрать да гвоздь прибить, - бойко судила Таня, играя глазами.

- Ну, а для любви мужик-то нужен?

- Какая любовь! Три раза замужем была – ничего не видела. Хоть бы для семьи пожить, и то не удалось. Для первого мужика работа моя была шибко хороша. Таня домой – банку прёт. Пристрастился к пиву, ну и запил, как дырявое ведро. Сколько в него не лей – всё мало. Напьётся и лежит, как полотенце. Я, конечно, полкана с цепи. И пошла у нас свара! Разве это жизнь?

- Развелась?

- Бог развёл. Привезли мне с Дальнего Востока настой диковинного корня - женьшень, плавает в бутылке спирта. Соседи приходили дивиться: сущий человечек – ручки с ножками есть. Три года надо настаивать и пить по три капли – любую хворь снимает. Да где там – не устоял. Муженек утром встал, похмелиться нечем. Он спирт весь вылакал, а человечка съел. И умер в одночасье. В морге вскрыли его, покопались, оказалось – паршивый был мужик-то.

- Бывает, - весело согласился я.

Таня рассказывала охотно, доверительно, как хорошему приятелю, с которым давно не виделась. Она шевелила плечами, отчего груди под кофтой раскатывались по витринному стеклу и стукались, как бильярдные шары.

- Второго муженька у меня в тюрьму упекли. Ждать я его не обещалась. Дочь ему, правда, родила, от первого-то – сын. Тут третий подвернулся. Чего тебе, говорю, Петенька, родить - сына или дочку? А ему захотелось чего-то среднего.

- Как это? – не понял я.

Заказать
полную
версию
произведения
МОЖНО ЗДЕСЬ

http://anagarkov.ru/zakaz_form.php